

рии, которая закрашивалась на карте их цветом, а территорию, значительно меньшую, если считать освоенной ими территорией районы кочеваний и охоты. Значит, метод обозначения, применявшийся на карте, был неправильным, не соответствующим действительности. Составители новой карты решили применить иной прием: они выделили районы с редким населением, ведущим экстенсивное охотничье-оленьеводческое хозяйство (а также районы отгонного скотоводства в Казахстане и Средней Азии), введя в условные обозначения этнографической карты особый знак для такого населения (редкую цветную штриховку) и ставя этот знак не равномерно по всей территории, а только в районах кочеваний и охоты. Характер заселенности территории при введении этого знака делается ясен для школьника, и он без труда отличит компактное оседлое население от населения полукошевого и кочевого. Так как на карте четко выявлены и незаселенные территории (хребты высоких гор, пески, пустыни, тундры, болота и пр.), то учащийся будет иметь более правильное представление об относительной численности населения разных национальностей и об этнических территориях.

Новая карта составлена на основе переписи населения 1926 г., с коррективами последующих лет. При коррективе переписных данных, в значительной части устаревших, использованы местные этнографические обследования, этнографические карты, сведения о передвижении населения и изменении его национального состава в настоящее время. Возможно, что эти данные не вполне отражают происшедшие за последние десятилетия этнические процессы и что новая перепись даст несколько иную картину расселения национальностей, но других данных пока не существует, и составители пощли по тому пути, который был единственно возможен. Так как в распоряжении Академии Наук СССР имеются поселенные карточки переписи 1926 г., на которых указан национальный состав каждого населенного пункта на территории СССР (в границах 1926 г.), то составители имели возможность значительно уточнить характер расселения в районах со смешанным национальным составом, что они и сделали.

В качестве предварительной работы по составлению карты пришлось вычислить относительную численность национальных групп населения в каждом административном районе, волости и пр. на территории СССР. Таких административных единиц, являвшихся для данной карты микрорайонами, оказалось свыше 7000. На основании этой предварительной статистической обработки порайонных данных были составлены карты-схемы национального состава, переведены в единый масштаб и нанесены на бланковую карту. Затем проведена генерализация (предварительная и окончательная), откинута мельчайшие этноточки, обозначающие большей частью не компактное, а рассеянное население, обобщены в более крупные контуры мелкие этнические территории, произведена унификация обозначений. Наконец, карта была прокорректирована по новейшим данным — вплоть до тех, которые были доставлены этнографическими экспедициями Института этнографии АН СССР в 1950 г. Так была создана та этнографическая нагрузка, которая отражена на новой карте.

Легенда к карте, включающая 82 названия народов и этнических групп, классифицирована по географическому признаку — народы показаны в ней в таком порядке, в каком они размещены на территории СССР (выделены особо некоторые народы, живущие почти всюду по всей стране, — русские, украинцы, белорусы, евреи), но цветные обозначения составлены в соответствии с языковой и этнической близостью отдельных народов друг другу: так, например, одинаковый цвет (но разные оттенки его, разные тона) имеют славянские народы, другой цвет обозначает народы тюркоязычные и т. д. Это обозначение сделано не столько для учащихся, сколько для преподавателей, которые могут использовать его во время занятий, если выявится необходимость в этом.

Предполагается составить в дополнение к карте небольшую пояснительную брошюру (размером в 1—1½ печ. листа) о национальном составе СССР, численности отдельных национальностей, национальных языках и некоторых, наиболее важных, этнических особенностях. Брошюра эта предназначается в помощь преподавателю.

Новая карта составлена бригадой картографов под руководством старшего научного сотрудника Института этнографии АН СССР П. Е. Терлецкого.

*П. И. Кушнер (Кнышев)*

## ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИЙ В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ АН СССР

28 февраля кандидатскую диссертацию на тему «Переселение илийских уйгур в Семиречье» защитил страш. научн. сотрудник Сектора уйгуро-дунганской культуры Академии Наук Казахской ССР М. Н. Кабиров. Официальными оппонентами выступили доктор историч. наук Н. Н. Чебоксаров и кандидат историч. наук Г. Г. Стратанович. Диссертация, представляющая собой монографическое исследование объемом свыше 10 авт. листов, основана на большом количестве литературных и архивных источников и собранных автором полевых материалов. Оппоненты отметили актуальность темы и удачный выбор ее, ибо история переселения уйгур в Семиречье до последнего времени оставалась почти не освещенной. Диссертант, сказал Н. Н. Чебоксаров, подошел к разрешению поставленной перед собой задачи во всеоружии марксистско-ленинской методологии и специальных знаний. Историю переселения

уйгур в Семиречье и их дальнейшей жизни в царской России и в Советском Союзе он рассматривает на широком историческом фоне, уделяя должное внимание экономическим, политическим и культурным вопросам, относящимся к Средней Азии и Восточному Туркестану, начиная со времени насильственного переселения уйгур в Илийский край (1760 г.) и кончая их современным положением в Казахской ССР в условиях развернутого социалистического строительства и постепенного перехода к коммунизму. Материалистический историзм, отметил оппонент, красной нитью проходит через всю работу, составляя ее большое и несомненное достоинство. Диссертант умело использовал, наряду с историческими источниками, богатый фольклорный материал уйгур, красочно отражающий и всю тяжесть насильственного переселения их в Джунгарию, и восстание илийских уйгур в 1864 г., и непрерывно возрастающие симпатии уйгур к русскому народу. Большой интерес, по мнению оппонента, представляют глава 3-я — «Уйгуры в Илийском крае», в которой диссертанту удалось варисовать яркую и убедительную картину угнетенного и бесправного положения илийских уйгур в цинском Китае, и особенно глава 5-я, посвященная разбору вопроса об оккупации Илийского края царской Россией и значения этого факта в жизни илийских уйгур. На большом архивном и литературном материале диссертант вскрыл исторические причины интереса царской России к Илийскому краю, вызвавшие в конце концов его временную оккупацию, и показал как положительные, так и отрицательные последствия для уйгурского народа этой оккупации. Однако автор, по мнению оппонента, несколько идеализирует последствия русской оккупации: нельзя, например, согласиться с тем, что вследствие этой оккупации в Илийском крае «окончились распри между отдельными национальностями», чему противоречат известные из истории факты. Центральной проблеме исследования — переселению илийских уйгур в Семиречье — посвящена 6-я глава диссертации. Развивая мысль Энгельса о цивилизирующем значении русского подданства для народов Центральной Азии, диссертант правильно подчеркивает большую роль зарождавшейся между русским и уйгурским народами дружбы в добровольном переселении илийских уйгур на территорию России. Существенную роль сыграли здесь также ненависть уйгурских трудящихся к маньчжуро-китайским властям и обоснованная боязнь жестоких репрессий со стороны последних.

Существенным недостатком работы оппоненты признали слабое использование диссертантом этнографических материалов, совершенно необходимых при описании хозяйства, культуры и быта семиреченских уйгур как в XIX — начале XX в., так и в период социалистического строительства. Рассмотрению положения уйгур в этот период посвящена последняя глава диссертации. Хотя она, по заявлению автора, не представляет собой самостоятельного исследования и является лишь дополнением, коротко суммирующим достижения семиреченских уйгур за годы советской власти, однако эта глава, по мнению оппонентов, содержит много ценных материалов, зачастую собранных лично автором во время экспедиций, — о первых мероприятиях советской власти в Семиречье, о борьбе с эксплуататорскими классами и их ликвидации, об участии уйгур в гражданской и Великой Отечественной войне, об уйгурских мононациональных и смешанных колхозах и т. д.; при соответствующей доработке этой главы она могла бы представить значительный самостоятельный интерес и явиться достойным завершением всей работы. Г. Г. Стратанович, давший весьма положительную оценку представленной работы, сделал ряд замечаний фактического порядка. Диссертация в целом, как указали оппоненты, является ценным, оригинальным вкладом в советскую историческую науку и после ее доработки бесспорно будет заслуживать скорейшего опубликования. М. Н. Кабирову присуждена степень кандидата исторических наук.

25 апреля защитила диссертацию окончившая аспирантуру Института этнография Я. С. Смирнова. Диссертация, озаглавленная «Абхазская женщина в дореволюционном прошлом и в советскую эпоху», представляет собой монографическое исследование, основанное на большом количестве материалов, собранных лично автором во время полевой этнографической работы в 1946—1948 г., на обширных архивных фондах и значительной печатной литературе. Положенный в основу исследования полевой этнографический материал представляет собой личные наблюдения автора над семейной и общественной жизнью абхазов в настоящее время, а также опросы стариков, помнящих прежнюю, дореволюционную жизнь. Материалы этих опросов диссертантка, проведя перекрестную проверку сообщений своих информаторов, сопоставила с архивными и литературными данными, проверив таким образом доброкачественность собранных сведений. Основные главы диссертации, посвященные описанию быта и правового положения абхазской женщины, указал официальный оппонент доктор исторических наук П. И. Кушнер, исключительно богаты материалами. В результате обобщения собранных данных диссертантка дала яркую картину быта абхазов. Большим достоинством работы является последовательно проведенный анализ классовых отношений в Абхазии, что дало возможность диссертантке дифференцировать условия, в которых жили абхазки разных классов и сословий. Если у женщин из класса феодалов имелись некоторые элементы независимости, свободы распоряжения собой и своим имуществом, то у крестьянок таких возможностей не было. Этим объясняется кажущаяся противоречивость документов о положении абхазки в прошлом, одни из которых изображают женщину свободной и независимой, другие — зависимой

и бесправной. Из приводимых диссертанткой материалов явствует, что в общем положение абхазок, даже принадлежавших к привилегированным классам, было невыносимым, но все же некоторые черты относительной «свободы» женщин в быту имелись. Что Я. С. Смирнова объясняет, во-первых, общественно-полезным характером женского труда в период преобладания натурального хозяйства и, во-вторых, пережитками матриархата. С утратой общественно-полезного значения домашнего труда женщин в результате развития капиталистических отношений правовое и бытовое положение абхазок резко ухудшилось. Все это хорошо показано диссертанткой. Но оппоненту представляются мало убедительными построения Я. С. Смирновой, имеющие целью связать обычай, существовавший в XIX — начале XX в., с периодом, относящимся к эпохе матриархата; так, весьма спорной считает П. И. Кушнер попытку диссертантки связать с пережитками матриархата обычай проводить роды в специальном строении — амхаре. Как положительный факт, оппонент отметил отказ диссертантки от выведения подобных обычаев из магии. По мнению П. И. Кушнера, диссертантка удачно справилась с поставленной перед собой задачей, собрав ценнейший этнографический материал, умело обработав и обобщив его на основе последовательно проведенной марксистской методологии.

В своем выступлении П. И. Кушнер попутно остановился на вопросе об усыновлении у абхазов, целью которого в эпоху феодализма было получить защиту усыновляемого феодала, чтобы застраховать себя от возможного насилия со стороны других феодалов. Обычай этот, указал П. И. Кушнер, не исчез до сих пор — и в настоящее время в абхазской деревне некоторые колхозники «усыновляют» председателя или другого видного человека. Этот пережиток древнего обычая, по мнению П. И. Кушнера, далеко не является таким безвредным для социалистических отношений, каким его пытаются трактовать, ибо в существе его лежит своего рода захребетничество — стремление получить какие-то привилегии при посредстве усыновляемого человека.

Выступивший в качестве официального оппонента кандидат историч. наук Е. С. Зевакин, подробно разобрав представленную диссертацию, также дал ей весьма положительную оценку. В обзоре использованной литературы, сказал он, диссертантка дает политически заостренные критические оценки, исходящие из позиций марксистско-ленинской исторической науки; исключением, а не правилом, является отсутствие политической характеристики работы реакционера академика Дубровина. Недостаточно, по мнению оппонента, использована литература на европейских языках и не использована совсем — на грузинском. В целом же историографическое введение к диссертации представляет самостоятельный научный интерес. Во второй вводной главе — «Общий социально-экономический очерк Абхазии» оригинальны материалы и выводы относительно роли родоплеменных пережитков в условиях феодализма и последующих формаций. Что касается анализа феодальных и капиталистических элементов в развитии Абхазии, то здесь диссертантка полностью следовала за работами Фадеева, Олонцкого и других, далеко не безупречных в методологическом отношении. Необходимо уточнить формулировки, касающиеся процесса разложения феодализма. Следовало бы, по мнению оппонента, более подробно остановиться на вопросе об этническом составе и этно-культурных связях абхазов. В отношении основных глав диссертации оппонент отозвался весьма положительно, высказав лишь ряд замечаний частного характера. Так, ему представляется сомнительным предположение диссертантки о том, что одним из мотивов запрета женщине называть фамилию своего мужа и его старших родственников был страх перед чужеродкой, которая могла бы путем магии повредить человеку, произнося его имя; такую чужеродку вообще вряд ли согласились бы допустить в свой род. Оппонент указал на встречающиеся в диссертации противоречивые положения, как например, по вопросу о преобладании патриархальных или классово-феодальных элементов; нельзя согласиться с тем, что в конце XIX — начале XX в., в период разложения натурального хозяйства и развития товарно-денежных отношений, «патриархальный порядок восторжествовал окончательно», — здесь надо говорить о разложении этих порядков, а не об окончательном их торжестве. Говоря об унизительности для достоинства абхазской женщины пережиточно бытующих норм адата, диссертантка должна была бы показать, какие именно из этих норм в той или иной степени тормозят социалистическое переустройство быта. Ибо задача нашего времени состоит в том, чтобы окончательно искоренить все вредные, отживающие явления, а не ждать, когда они сами отомрут, и цель научной работы, подобной обсуждаемой, — помочь в этом деле. Перечисленные погрешности, подчеркнул Е. С. Зевакин, не порочат работы в целом и могут быть легко устранимы при подготовке ее к печати. Диссертация впервые освещает и интерпретирует многие вопросы этнографии Абхазии. Тщательно выявлены во всех областях жизни абхазской женщины следы различных социально-экономических этапов развития (матриархат, переход к патриархату, патриархально-родовой строй, феодализм с сохранением укладов и т. д.). Все свои положения диссертантка обосновывает большим количеством фактического материала.

На заседании был зачитан присланный Адыгейским научно-исследовательским Институтом отзыв на автореферат диссертации. В отзыве указывается на актуальность разработки темы и неизученность ее в советской историко-этнографической литературе, как по Абхазии, так и по Адыгее, которую эта работа интересует и с точки

зрения постановки вопроса, и ввиду многого общего, имеющегося у обоих народов. Достоинством работы, говорится дальше в отзыве, является то, что, в противоположность ряду других работ, где материалы советского периода составляют как бы прирост к основному изложению, в данной диссертации большое и серьезное внимание уделено показу коренных изменений в положении абхазской женщины, причем не статистически, а в динамике, в процессе борьбы за новый, социалистический быт. Необходимо направить внимание на пережиточные явления в современной жизни Абхазии, являющиеся тормозом в деле социалистического строительства, и активизировать борьбу с ними.

В прениях выступил кавказовед В. К. Гарданов. Возражая П. И. Кушнеру по затронутому им вопросу об аталычестве и усыновлении, В. К. Гарданов подчеркнул, что это различные институты. Аталычество, которое уже в эпоху феодализма утратило прежнее содержание и приняло форму вассального служения, в советских условиях совершенно исчезло. Усыновление же происходило между равными по социальному положению группами или семьями, и некоторые формы усыновления сохранялись и после Великой Октябрьской социалистической революции. В оценке обсуждаемой диссертации В. К. Гарданов солидаризировался с мнением официальных оппонентов и, так же, как они, подчеркнул желательность опубликования диссертации как первого исследования по вопросу об абхазской женщине, базирующегося на правильных методологических позициях, богато насыщенного фактами и сопровождаемого в приложении большим количеством архивных данных. Я. С. Смирновой присуждена степень кандидата исторических наук.

9 мая окончившая аспирантуру Института этнографии М. В. Райт защитила диссертацию на тему «Русские экспедиции в Эфиопию в XIX—начале XX века и их этнографические исследования». Оппоненты — академик И. Ю. Крачковский и

кандидаты исторических наук Б. И. Шаревская и И. И. Потехин — дали высокую оценку представленной диссертации. Они отметили, в первую очередь, своевременность постановки данной темы и значение ее не только для советской, но и для всей прогрессивной науки. Представленная работа, по мнению оппонентов, является первым шагом в решении большой и ответственной патристической задачи — выявления заслуг в абиссиноведении русских ученых и путешественников. В этом отношении, подчеркнул И. И. Потехин, М. В. Райт не имела предшественников. Она впервые разыскала в архивах Москвы, Ленинграда и некоторых других городов большое количество материалов, связанных с русскими экспедициями в Эфиопию, и вскрыла совершенно неизвестные или забытые имена, факты и этнографические сведения. Она кропотливо изучила музейные коллекции по Эфиопии, впервые выявив и определив некоторые из них. Ею проработана также большая литература на русском и иностранных языках. Собранные материалы позволили диссертантке в процессе разработки темы дать целостную картину социально-экономического строя Эфиопии конца XIX в., ее политической и культурной жизни, ее этнографическую характеристику. Опираясь на изученные материалы, М. В. Райт поставила и в основном правильно решила вопрос о формировании эфиопской нации. В процессе работы диссертантке пришлось также заняться вопросами, выходящими за рамки этнографии, — историей русско-эфиопских отношений, освещением борьбы империалистических держав за Эфиопию, без чего непонятными остались бы и политика российского империализма в Эфиопии, и характер русских экспедиций в эту страну, и обстановка, в которой им пришлось работать. С этой задачей диссертантка, по мнению оппонентов, также в основном справилась. Однако, указал И. И. Потехин, диссертантка напрасно ограничила себя рассмотрением событий, касающихся только Эфиопии: для правильного понимания их следовало взять более широкий исторический фон, включающий столкновения империалистических интересов и вне Эфиопии, хотя это и выходит за рамки основной темы диссертации.

К числу пробелов в работе Б. И. Шаревская отнесла то, что диссертанткой не дано объяснения, почему у амхара феодализм переплетается непосредственно с первобытнообщинным строем, не показано, прошли ли они стадию рабовладельческой формации. Автору следовало бы больше осветить вопрос о рабовладении в Эфиопии в прошлом, без чего определение пережитков рабовладения оказалось недостаточно четким. Недостаточно ясно, по мнению оппонентов, освещены в диссертации и вопросы о формах землевладения в Эфиопии, о земельной общине, совсем не затронут вопрос о переходе от родовой общины к соседской или сельской общине.

Диссертантка, сказала Б. И. Шаревская далее, правильно отмечает, что, вопреки широко распространенному в буржуазной этнографии глубоко ошибочному взгляду, население Эфиопии вовсе не представляет собой аморфного конгломерата разных народов и рас. Уже в 90-х гг. XIX в. русские путешественники отметили моменты, ведущие к объединению отдельных народов. М. В. Райт указывает, что языковая общность народов Эфиопии, отмеченная участниками русских экспедиций, в частности Булатовским, явилась результатом их исторического развития за последние столетия. Диссертантка выявляет три группы народов, каждая из которых объединяет по несколько из них. Однако общность прослежена только в языках, в типах хозяйства, в материальной культуре вообще; остался в стороне вопрос о духовной культуре,

общность в которой могла быть прослежена на материалах народного творчества; и затронут также вопрос о хозяйственных связях, об экономическом взаимодействии указанных групп народов.

И. Ю. Крачковский, ограничивший себя в своем отзыве вопросами историографии, отметил богатые результаты проведенного М. В. Райт исследования архивных материалов, но указал на некоторые недочеты в использовании ею литературных источников, погрешности в цитации и др. Недостатком в этом отношении оппонент считает и то, что диссертанткой не во всей полноте и не с должным вниманием учтены имеющиеся в литературе отзывы об участниках экспедиций или о ходе последних, не всегда отмечено участие русских кабинетных ученых в подготовке экспедиций, обработке их результатов (отзывы В. Б. Болотова об Ашинове, Булатовиче, отзыв Н. В. Юшманова о составленном Ашиновым букваре, отклики Б. А. Тураева на поездки в Эфиопию). Выражая свое одобрение вниманию диссертантки к лингвистической стороне терминологии, академик Крачковский предложил при дальнейшей работе для подготовки диссертации к печати выделить в терминологию слова арабского происхождения, что в некоторых случаях помогло бы уточнить вопрос и о путях проникновения в Эфиопию связанных с терминами понятий. В заключение экск. Крачковский, как и другие оппоненты, выразил пожелание о скорейшем опубликовании диссертации, представляющей собой серьезный вклад в советскую науку.

На заседании был зачитан отзыв экск. [Л. С. Берга] на автореферат диссертации. Л. С. Берг, оценивая эту работу, как выдающееся исследование, имеющее большую важность и для истории географической науки, и для этнографии, также выразил пожелание о скорейшем напечатании этого исследования, по возможности с изложением и более ранних данных о сношениях России с Эфиопией.

Выступивший в прения африканист С. Р. Смирнов присоединился к общей высокой оценке представленной диссертации, документально доказывающей приоритет русской этнографической и географической науки в разрешении важных проблем исследования Африки. Однако некоторые выдвинутые диссертанткой положения требуют, по его мнению, более глубокого анализа. Так, например, угроза империалистического нашествия на Эфиопию, которая, по мнению автора, потребовала объединения отдельных феодальных княжеств в центральное государство, являлась лишь внешней причиной такого объединения. Действительные же причины этого следует искать гораздо глубже, во внутренних социальных сдвигах, происшедших в Эфиопии. Следовало бы более выпукло показать распад феодально-натурального хозяйства, постепенное снижение роли рабовладения, стирание границ между отдельными ранее изолированными областями, возникновение новых торговых центров и т. д. Однако указанные пробелы, сказал в заключение С. Р. Смирнов, не снижают достоинства диссертации, представляющей собой выдающееся исследование.

М. В. Райт единогласно присудила степень кандидата исторических наук.

9 мая младш. научн. сотрудник Института этнографии Я. Р. Винников защитил диссертацию на тему «Социалистическое переустройство хозяйства и быта туркмен Марыйской области». Официальные оппоненты — доктор историч. наук С. П. Толстов, кандидат географических наук В. Б. Жмуйда и кандидат историч. наук Т. А. Жданко — подчеркнули значение обсуждаемой диссертации как первой историко-этнографической работы, целиком посвященной советской тематике. Автор, лично участвовавший в проведении земельно-водной реформы в Туркмении, в течение свыше полутора десятка лет работавший в этой республике, использовал богатый накопленный им материал, так же как и архивные и литературные источники и данные, собранные им во время проведенной в 1949 г. этнографической экспедиции. На основе этих материалов, сказал В. Б. Жмуйда, диссертант подготовил научное исследование, имеющее большой теоретический и практический интерес. Ему удалось ярко осветить различные этапы исторического пути от феодализма к социализму, пройденного туркменским народом. Вместе с тем оппонент отметил некоторую допущенную автором искусственность в периодизации дореволюционной истории туркмен, в результате чего весь период до национального размежевания Средней Азии отнесен к прошлому туркменского народа, а процесс социалистического строительства связывается лишь с образованием Туркменской ССР и последующими этапами. Вызывает возражения и оценка исторической роли присоединения Туркмении к царской России, которое автор рассматривает только с отрицательной стороны. Между тем в советской исторической науке прочно установилось положение о том, что при всех отрицательных сторонах реакционной политики царизма присоединение к России имело исторически прогрессивное значение для народов Средней Азии. Вызывает сомнение высказанное Я. Р. Винниковым утверждение о том, что огузы-туркмены появились на территории Туркменистана в начале XI в. Это утверждение противоречит высказанному крупным исследователем истории народов Средней Азии М. Ваткиным мнению о том, что огузы уже в VIII—X вв. занимали равнинную часть современной Туркмении.

Оппоненты отметили ценность представленных диссертантом иллюстративных материалов — этнографической карты Марыйской области, составленной Я. Р. Винниковым на основании собранных им статистических материалов, и особенно — схем дореволюционного родоплеменного деления туркмен-текинцев в Мервском оазисе, с

указанием на распределение земельных угодий между родами, и карты расселения текинских родов. Как текст диссертации, сказала Т. А. Жданко, так и эти содержательные, чрезвычайно наглядные и убедительные иллюстрации указывают на значительную роль родоплеменного деления в социально-экономической жизни туркмен в XIX в. Традиционный принцип «равного» распределения земли и воды между родами и их подразделениями, вследствие различного числа хозяйств в этих подразделениях, приводил к острой нехватке земли и воды у одних и запущенности, неосвоенности угодий у других. Диссертант показал, как пережитки родовых традиций использовались эксплуататорской верхушкой аула для захвата значительной части угодий, номинально считавшихся общинной собственностью. Очень интересно данное Я. Р. Винниковым описание значения в этом процессе «брачного права» на землю и воду «никах», используя которое богачи, формально не нарушая законов общины, захватывали по несколько водных наделов «су», так как имели возможность уплатить несколько калымов, и женили даже своих малолетних сыновей с целью расширения своих земельных владений. Очень важный материал приведен диссертантом для освещения социальной и экономической сущности переuloжной системы «санашик». Хорошо показаны формы эксплуатации (издолящина, аренда) и проникновение частной собственности на землю (мюльк), особенно развившейся в колониальный период. Интересны также приведенные данные о безземелье и экономическом закабалении туркмен в результате грабительского захвата у них царским правительством лучших земель под Мургабское царское имение; 63% дехкан Байрам-алийской области вынуждены были арендовать свои же земли у Мургабского имения. Характеризуя социальный строй туркмен Марыйской области в дореволюционный период, диссертант остро полемизирует с историками и этнографами, часть которых даже в первые годы советской власти приписывали туркменскому аулу родовую бесклассовую идиллию, не замечая или сознательно игнорируя (как это делали буржуазные националисты) происходившее там глубочайшее классовое расслоение и классовую борьбу. Одним из наиболее удачных разделов диссертации Т. А. Жданко считает главу, освещающую процесс социалистического строительства в туркменском ауле. С исчерпывающей полнотой описано проведение земельно-водной реформы в Марыйской области, интересно изложение истории кооперирования дехкан. Широко показана помощь государства дехканам, а также острая классовая борьба, развернувшаяся в туркменском ауле в этот период. В следующих главах, посвященных описанию современного хозяйства, быта и культуры туркмен, большой интерес вызывают приведенные диссертантом материалы по современному жилищу и колхозным поселкам. Очень интересен также материал о раскрепощении женщины, о современной семье и браке у туркмен. Одним из наиболее слабых разделов диссертации, по признанию оппонентов, является глава «Верования и обряды». Кроме недостаточной полноты описания роли ислама и доисламских верований в быту туркмен здесь допущен ряд неточностей. Оппоненты отметили также ряд погрешностей и пробелов в историографической части работы. Диссертанту, как указал профессор С. П. Толстов, не удалось до конца разобраться в соотношении различных туркменских племен и их борьбе, в использовании их боровшихся между собой феодальными государствами — Ираном и Хивой, натравливавшими друг на друга туркменские племена. Несмотря на имеющиеся погрешности, подчеркнули оппоненты, обсуждаемая работа представляет большой интерес и заслуживает скорейшего опубликования. Автору ее Я. Р. Винникову присуждена искомая степень.

*О. Корбе*

## ВЫСТАВКА ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ АН СССР В ЦЕНТРАЛЬНОМ ПАРКЕ КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА ИМЕНИ С. М. КИРОВА (ЛЕНИНГРАД)

Два года подряд Институт этнографии АН СССР организует в Центральном парке культуры и отдыха им. С. М. Кирова в Ленинграде выставку, посвященную жизни и борьбе народов колоний и зависимых стран против империализма, а также строительству новой жизни в освобожденных от империалистического угнетения странах. Учитывая исключительный интерес посетителей парка к подобной выставке в 1949 г., дирекция парка предоставила Институту в 1950 г. отдельное здание, а также приняла на себя значительную часть расходов по оформлению выставки и полностью расходы по ее охране. Павильон выставки 1950 г. содержал 9 залов различной величины. Объединяющей стержневой темой экспозиции был показ того, что силам лагеря реакции и войны противостоят сейчас не отдельные вспышки восстаний, а грозный фронт народов, героически борющихся за свою свободу и национальную независимость. Конкретные формы и стадии этой борьбы были показаны на отделах Африки, Индии, Индонезии, Народной республики Китая, Демократической республики Вьетнама, Народно-демократической республики Кореи.

Этой выставке был предпослан вводный отдел, открывающийся высказыванием И. В. Сталина: «В лагере капитализма мы имеем империалистические войны, национальную рознь, угнетение, колониальное рабство и шовинизм. В лагере Советов, в